

18+
ВАЛЕРИЙ
РОТНОВ

О МОСКВЕ

в стиле *odinmirage*

ПРОДОЛЖЕНИЕ

Валерий Ротнов

**О Москве в стиле
odinmirage. Продолжение**

«Издательские решения»

Ротнов В.

О Москве в стиле odinmirage. Продолжение / В. Ротнов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-556637-9

Эта книга о Москве написана не так, как предыдущая. Описание Москвы и ее истории сопровождается художественным вымыслом о жизни в городе двух влюбленных. Поэтому на обложке видны не только пейзажи Москвы, но и герои книги. Он читает лекцию и бросает взгляд в окно. Ему открывается изумительный вид с Покровского бульвара на Подколокольный переулок с куполами храмов Кремля вдали. Но его воображение дорисовывает над реальной Москвой образ любимой, кружащейся в танце на шесте. Организация "Meta Inc." запрещена на территории РФ. Организация "Meta Inc." запрещена на территории РФ.

ISBN 978-5-00-556637-9

© Ротнов В.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Вступление 1.	7
Глава 1.	8
Вступление 2.	38
Глава 2.	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

О Москве в стиле odinmirage Продолжение

Валерий Ротнов

Редактор Елена Милюченко

Корректор Венера Ахунова

Фотограф Валерий Ротнов

© Валерий Ротнов, 2021

© Валерий Ротнов, фотографии, 2021

ISBN 978-5-0055-6637-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Уважаемые читатели, дорогие друзья, рад новой встрече с Вами, которая стала возможной, благодаря этой второй книге о Москве!

Она является продолжением предыдущей, но имеет свои существенные отличия от первой книги «О Москве в стиле odinmirage».

С точки зрения географии рассказа о городе, она как бы замыкает Бульварное кольцо Москвы и описывает Рождественский, Сретенский, Чистопрудный, Покровский и Яузский бульвары, а также Сретенку, Покровку, Ивановскую горку с Хохловкой и другие места.

С точки зрения источников информации, эта книга, как и предыдущая, является собранием постов из личного интернет-блога автора о Москве. Но в этот раз для написания постов и самой книги использовалось много новых источников информации в дополнение к тем, на которые я опирался при написании первой книги.

Главным же отличием является сочетание публицистического и художественного стилей. Описания улиц, бульваров, площадей и построек Москвы сопровождаются художественным повествованием о жизни двух вымышленных персонажей.

Это он и она – красивые, яркие, сильные и неординарные люди, влюбленные друг в друга, но не спешащие придать своим отношениям официальный статус.

Получается, что читатель перемещается по Москве вместе с нашими героями как в реальном времени, так и в прошлом, вместе с их воспоминаниями. Москва описывается, как бы глазами этих героев, образы которых являются собирательными. В каждом из них есть доля от разных людей, окружающих или окружавших автора в жизни, а в мужском образе есть доля и самого автора этой книги – Вашего покорного слуги.

Вступление 1. Прекрасная незнакомка в Москве

«Она шла по Рождественскому бульвару легкой походкой сильной молодой женщины, во всех ее движениях и манере держаться чувствовалась уверенность в себе, в своей привлекательности и красоте. Волосы колыхались вокруг изящных плеч как-то синхронно с уверенным движением ног, элегантно укрытых почти до щиколоток какой-то то ли юбкой, то ли туникой из легкой и нежной ткани, подчеркивающей стройность фигуры и идеальные очертания бедер, безусловно волнующих мужское воображение».

Это была цитата из дальнейшего текста этой же главы этой же книги, чтобы сразу вовлечь уважаемых читателей в сюжетную линию второй книги о Москве, которая соединяет в себе художественный вымысел и исторические факты, а также реальное описание современного города.

Продолжим реальным описанием Москвы в этом месте и связанных с ним исторических фактов и легенд.

Глава 1. Рождественский бульвар

Бульвар круто поднимается от Трубной площади вверх к Сретенке и Сретенскому бульвару. Как уже было написано в предыдущей книге, такой ландшафт достался Петровскому и Рождественскому бульварам от крутых берегов реки Неглинной, протекавшей на месте нынешней Трубной площади, к которой эти бульвары спускаются навстречу друг другу.

Интересно, как выглядел Рождественский бульвар в прошлом, например, в середине XIX века? О крутизне подъема бульвара говорило то, что вагоны когда-то ходившей здесь «конки» могли вскарабкаться к Сретенке только после того, как в работу впрягли дополнительную пару лошадей. Давайте добавим колорита и обратимся к описанию авторитетного знатока Москвы того времени Михаила Николаевича Загоскина: *«Вот расхаживают по улице куры с цыплятами, индейки, гуси, а иногда вам случится увидеть жирную свинку, которая прогуливается со своими поросятами. Я, по крайней мере, не раз встречался с этими интересными животными не только на Трубе, но даже на Рождественском бульваре»*.

С 1840 года на Трубной площади раз в две недели по воскресным дням открывался птичий рынок. Это было гигантское скопление продавцов самых разных птиц и животных и их покупателей. Евгений Иванов в своей книге «Меткое московское слово» описал это следующим образом: *«Продавцы птиц отличались оригинальной манерой говорить с покупателями, причем часто вводили в свою речь элементы острословного характера. ...Привожу все же мой опыт такой записи с говора знакомого «ловца пернатых» – Игната Егоровича Егорова, относящейся к 1912 г.:*

– Тисковый зяблик... Три рубля прошу... Поет, сударь, цви... цви... цви, а в конце натуральное коленце – «Федя». Жаворонки их пение принимают. Если есть жаворонок, чего лучше – в два голоса отрабатывают. Другой только жаворонок подметки чистить зяблику не годится – на какого попасть! С таким тисковый зяблик сидеть, честное слово, рядом не станет, а сядет – от зла своим калом подавится....

Почем свежее муравьиное яйцо? Полтинник фунт! Что рыло воротил – вчера брал, видишь – с живой муравьей. Молочник, возьми на зуб! Не тычь пальцем, не столько купишь, сколько передавишь! Зачем мураша убил? Самое мураш жалостливое насекомое. Иного в лесу ногой раздавишь, другие подберут его, мертвого, и тащат. Тридцать копеек? Чего? У своей бабы спроси на тридцать... Не ругаюсь вовсе, а ты не говори чего не надо! Подыхать мне? Все подохнем – дай сроку! Не отказываюсь от жизни и смерти! Отойди, дай покупателю место!.. Соловей – продаю с голоса. В натаску сам брал, сеть на кусты набрасываешь и гонишь. Птица, обратите внимание, отборная и в яри. Взгляните через бумажку... Солдат, а не птица, голову как держит вверх».

Вот такая энергичная и творческая атмосфера бытовала здесь. Не случайно впоследствии именно в этом месте появился еще во времена СССР Центральный рынок, где торговали овощами, фруктами и мясомолочными продуктами. С 1961 года этот рынок становится главным рынком страны. В годы перестройки он переживал далеко не лучшие времена, в 1994 году был полностью закрыт и снесен за исключением главного здания, которое в скором времени было разорено и запустело.

Сейчас Рождественский бульвар выглядит совсем иначе – уютным и благоустроенным. В его начале расположен обновленный Центральный рынок с многочисленными ресторанами, кафе и фудкортом. Реконструкция рынка была проведена с 2014 по 2017 года, он был стилизован под старину и вписан в ландшафт начала Рождественского бульвара. Если зайти в здание рынка со стороны Трубной площади и пройти вперед насквозь, а затем подняться на три этажа вверх в ресторан, то выйти из него можно прямо на аллею бульвара, что лишний раз подчеркивает перепад высот в этом месте. Аллея благоустроенная и уютная, вымощена плиткой, украшена кленами, а также декоративными кустарниками и цветниками. Здесь установлены, как, впрочем, и на всех остальных бульварах Кольца, лавочки для отдыха прохожих и фонари с эффектной системой подсветки.

Бульвар также опрятен и образцово-показателен, как и остальные части Бульварного Кольца Москвы, ничем на первый взгляд не отличаясь от них, но все же какая-то неосяземо иная, особая аура здесь витает, непохожая на атмосферу ни одного другого бульвара кольца. Давайте попробуем передать эту специфическую ауру через фантазийную историю, якобы происходящую в наши дни.

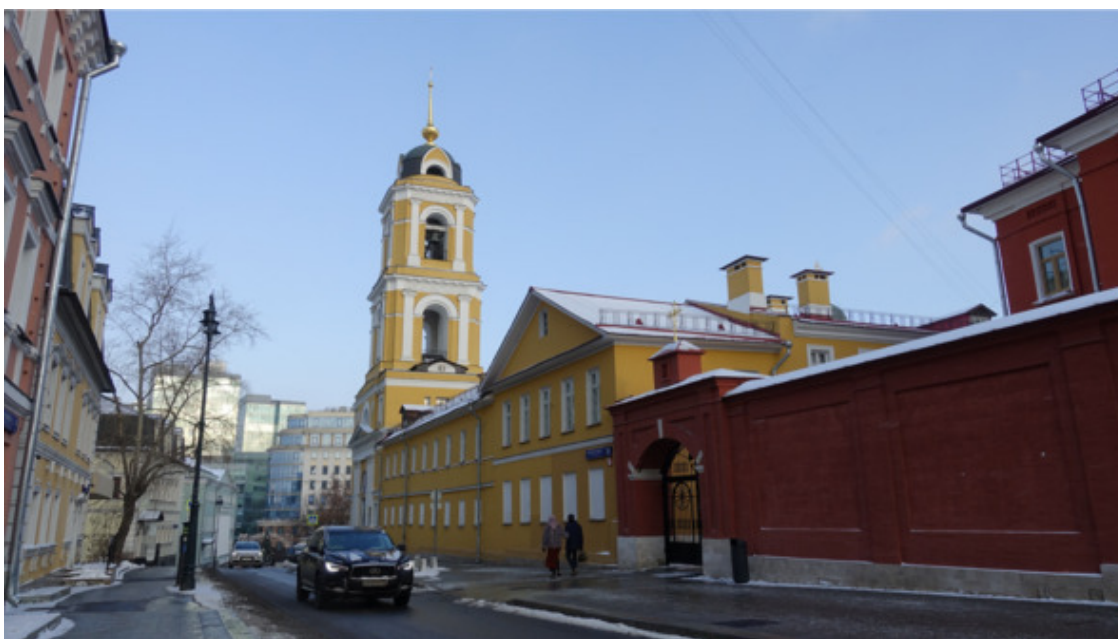
Она шла по бульвару легкой походкой сильной молодой женщины, во всех ее движениях и манере держаться чувствовала уверенность в себе, в своей привлекательности и красоте. Волосы колыхались вокруг изящных плеч как-то синхронно с уверенным движением ног, элегантно укрытых почти до щиколоток какой-то то ли юбкой, то ли туникой из легкой и нежной ткани, подчеркивающей стройность фигуры и идеальные очертания бедер, безусловно волнующих мужское воображение. Тонкую талию и высокую грудь подчеркивал туго облегающий место соединения юбки и блузки элегантный пояс из шелковой материи. Все вместе – сочетание цветов и предметов одежды, прически, легкий и искусный макияж, живое и уверенное выражение лица, разрез и блеск глаз – было органично, как единое совершенное произведение искусства.

Вместе с тем увиденное обескураживало встречных прохожих совершенно разнонаправленными впечатлениями. В этой незнакомке виделась одновременно и романтическая тургеневская барышня, и светская львица, и утонченная дама, и неприступная красавица, и не отягощенная скромностью соблазнительная обольстительница, и хищница – женщина-вамп.

Несмотря на крутизну подъема Рождественского бульвара, движения ее были невесомыми и плавными. Возникало ощущение, что это чудо природы переносят какие-то неведомые силы. Вместе с солнцем, летним теплом и буйством зеленых красок бульвара картина этого движения была способна унести романтических молодых людей, да и мужчин постарше, в иное измерение, потустороннее пространство, оторвав на мгновение или больше от вечной московской суеты.

На плече, гармонично вписываясь в романтический и элегантный наряд нашей героини, покачивалась на длинном ремне изящная и одновременно довольно вместительная дамская сумочка. Незнакомка легко и изящно повернула на Рождественку, качнув синхронно бедрами и сумочкой, из-за чего водитель одной из проезжающих машин чуть было не потерял управление. Очнувшись в последний момент, он вовремя вывернул руль и избежал, казалось бы, неминуемого столкновения с припаркованным у обочины автомобилем.

Если бы он в этот момент остановился, вышел из машины и вернулся чуть назад, то стал бы свидетелем удивительной метаморфозы, произошедшей с нашей прелестницей. Находясь на Рождественке недалеко от поворота с бульвара, не доходя нескольких шагов до прохода под колокольной к церквям Богородице-Рождественского женского монастыря, она быстрыми и ловкими движениями сняла с талии шелковый пояс, оказавшийся сложенным аккуратно платком, который тут же накинула на голову, убрав красивые волосы. При этом блузка расправилась, убрав и тонкость талии, и крутой изгиб бедер, и вызывающую высоту груди. Сочетание этой трансформации с длинной в пол юбкой и изменившееся выражение глаз и лица практически мгновенно превратили «светскую львицу» в «смирненную скромницу». Став немного похожей на монашку, она прошла в церковь, взяла три простые свечи, помолилась, вспомнила ушедших в иной мир родных, пожелала здоровья близким и попросила о счастье себе, поставила зажженные свечи перед иконами.

Предлагаю в этом месте прервать наш полет фантазии ненадолго и перенестись в прошлое.

Богородице-Рождественский монастырь, известный также как Рождественский монастырь, был основан в 1386 году супругой князя Андрея Серпуховского и матерью князя Владимира Храброго – княгиней Марией Константиновной, которая постриглась здесь в монахини перед смертью в 1389 году под именем Марфы.

Первое время он находился на территории Московского кремля и носил имя монастырь Рождества Богородицы на Рву. Существует также версия, что монастырь с момента основания располагался на берегу реки Неглинной, у Кучкова поля, во владениях князя Владимира Андреевича Серпуховского.

Кроме княгини Марии Константиновны в монастыре также приняла постриг под именем Евпраксия в 1430-х годах княгиня Елена Ольгердовна, супруга князя Владимира Храброго. Она похоронена на монастырском кладбище в 1452 году.

Но это были не насильственные или, по меньшей мере, добровольные действия со стороны княгинь, принявших в силу традиций и обстоятельств постриг и монашеский образ жизни до конца своих дней.

В последующем, а именно 25 ноября 1525 года, в Рождественском монастыре была насильно пострижена в монахини под именем София жена Василия Третьего Соломония Сабурова.

Произошло это следующим образом. Сын и преемник Ивана III, великий князь Василий III прожил с Соломонией более 20 лет, но так и не имел наследника. Престол мог перейти к его братьям, удельным князьям, которые грозили устроить междоусобные войны за московский великий престол, чего Василий III не хотел допустить.

По преданию, однажды на охоте князь увидел на дереве большое гнездо с птенцами как символ деторождения и наследников и расплакался. Это событие подтолкнуло его к большому совету с боярами по вопросу о наследстве и власти. Бояре отвечали ему, что *«неплодную смоковницу посекают и удаляют из винограда»*.

Пойти на такой шаг сразу государь не решился и попросил совета у инок Симоновой обители Вассиана Патрикеева, но тот объявил второй брак прелюбодеянием. Против был и преподобный Максим Грек. Тогда правитель обратился за благословением на развод к восточным патриархам и тоже получил отказ, а Иерусалимский патриарх Марк будто бы предсказал великому князю: *«Если женишься вторично, то будешь иметь злое чадо: царство твое наполнится ужасом и печалью, кровь польется рекою, падут главы вельмож, грады запылают»*. Великого князя поддержал только Московский митрополит Даниил, и эту поддержку Василий III считал достаточной.

Соломонии сначала предложили добровольно принять постриг, но она наотрез отказалась. Тогда ее оговорили в волхвовании – будто она при помощи ворожеи хотела приворотить к себе мужа. После этого ее насильно постригли в Рождественском монастыре, присвоив имя София. Поскольку Соломония изо всех сил сопротивлялась, присутствовавший боярин уда-

рил ее, вскричав: «Смеешь ли ты противиться воле государя?» И тогда Соломония смирилась с постригом, но предрекла: «Бог отомстит моему гонителю!»

Добавим к этим уже древним историям о Рождественском монастыре еще одну – более современную, рассказанную исследователем московских храмов Петром Паламарчуком:

«После закрытия монастыря определенное число послушниц продолжало жить в его кельях. К 1978 г. в живых оставались двое – Варвара и Викторина. В этот год сосед Варвары, по профессии переплетчик, задушил ее, украл несколько малоценных икон и попытался скрыться, но вскоре был пойман и осужден на тюремное заключение сроком около 10 лет. Викторину в 1979 г. взяли к себе жить в другой район города сердобольные люди – ей тогда было уже за 90 лет, и она почти совсем ослепла.

Год или два спустя на таможене попался пытавшийся провезти за границу церковные ценности спекулянт. Оказалось, что среди этих ценностей находится множество вещей из ризницы Рождественского монастыря. После этого к расследованию обстоятельств убийства Варвары вернулись снова, и тогда при помощи москвоведов и старожилов выяснилось, что она была не простою послушницей, а казначейшей обители и ближайшей подругой последней настоятельницы, которая ей перед смертью передала на сохранение наиболее чтимые святыни. Сосед-переплетчик был лишь подставным лицом большой компании профессиональных хриstopродавцев, каким-то образом разузнавших эту тайну; «сел» он нарочно и с малоценными вещами, чтобы отвести подозрения от главарей.

После вскрытия новых обстоятельств он был переведен в Москву на допрос и оказался вынужден подтвердить все рассказанное выше».

Вот такие образы и события создают исторический окрас этого красивого монастыря, который со своими храмами является в наши дни одним из достойных украшений города.

Самое время вернуться к нашим фантазиям и нашей героине в современность. Выполнив все свои молитвы и просьбы к Богу, одухотворенная и смиренная, она вышла на улицу, прошла немного назад по улице Рождественка и, не доходя до поворота на бульвар, совершила вторую, не менее потрясающую трансформацию своей внешности. Она скинула с бедер юбку в пол (это был широкий палантин, обернутый вокруг талии), быстро свернула ее и убрала в сумочку. Под палантином была мини-юбка, смело открывающая красивые и стройные ноги на достойную их смелую высоту. Наша незнакомка сняла с головы шелковый платок, свернула его в виде узкого

пояса и обернула вокруг талии, блузка приподнялась, а юбка стала заметней, но одновременно стала заметней и талия, и крутые бедра, и высокая грудь. Это не женщина, а какой-то Дэвид Копперфильд в юбке – покорительница мужских сердец.

Она делала все быстро и естественно, на автомате, как бы равнодушно, но явно осознанно, руководствуясь врожденным женским искусством перевоплощения ровно такой силы, чтобы создать притяжение к себе – достаточное для вечной, великой и неизменной женской победы, во имя продолжения жизни и рода человеческого.

Самое время сделать очередной экскурс в прошлое, чтобы представить, как одевались и вели себя московские дамы в прошлых веках и какие нравы бытовали у московских кавалеров-ухажеров.

Русская мода коренным образом и очень быстро поменялась на заре XVIII столетия по инициативе царя Петра, который распорядился о смене национальной одежды на европейскую. 4 января 1700 года был издан указ, предписывающий придворным мужского пола носить «венгерский» кафтан вместо «москвитского».

Через год последовало еще одно, более радикальное новшество, имевшее силу закона. Всем, кроме священников и дьяконов, а также пашенных крестьян, следовало *«носить платье Немецкое верхняя, Саксонския и Французския, а исподнее, камзолы, и штаны, и сапоги с башмаками, и шапки – Немецкия; а женскому полу всех чинов носить платье, и шапки, и кунтыши, а исподняя, бостроги, и юпки, и башмаки – Немецкия ж, а Русского (платья) и Черкесских кафтанов, и тулупов, и штанов, и сапогов никому не носить»*.

За появление в русском платье в Москве штрафовали, а за изготовление – наказывали.

Платья изготавливались с высокой талией и с глубоким вырезом на груди из полупрозрачных муслиновых тканей, надеваемых на обнаженное тело. А тончайшие индийские шали завершали создание прекрасного женского образа. При этом всем своим внешним обликом женщина должна была напоминать собой античную мраморную скульптуру.

Женщины не высшего, но и не низшего сословия, к которому относили купчих и мещанок, носили скромные платья до замужества, а после использовали уже одежду из более дорогой материи (плотного шелка, шелка с шерстью) и обязательно – головные уборы.

Не кажется ли вам, уважаемые читатели, что Петр I тем самым, с одной стороны, старался ускорить развитие страны и интеграцию с Европой, но, с другой стороны, заложил в обществе мощную мину замедленного действия, разрушающую и по сей день самосознание россиян, пытающихся во многом, если не во всем, подражать Западу и испытывающих некий комплекс неполноценности?

Чтобы оценить, какие были нравы в высшем обществе в части отношений между кавалерами и дамами, а также тенденции по их развитию, обратимся к последующим за Петровскими, временам Екатерининским, с помощью Михаила Пыляева и его книги «Старая Москва»:

«Вот как, по свидетельству сатирических листков, проводил свое время модный молодой человек, носивший в екатерининское время названия щеголя, вертопраха и петиметра. «Проснувшись он в полдень или немного позже, первое – мажет лицо свое парижскою мазью, натирается разными соками и кропит себя пахучими водами, потом набрасывает пудреман и по несколько часов проводит за туалетом, румяня губы, чистя зубы, подсурмливая брови и налепливая мушки, смотря по погоде петиметрского горизонта. По окончании туалета он садится в маленькую манерную карету, на которой часто изображаются купидоны со стрелами, и едет вскачь, давя прохожих, из дома в дом».

В беседе с щеголихами он волен до наглости, смел до бесстыдства, жив до дерзости; его за это называют «резвым ребенком». Признание в любви он делает всегда быстро; например, рассказывая красавице о каком ни на есть любовном приключении, он вдруг прерывает разговор: «Э! Кстати, сударыня, сказать ли вам новость? Ведь я влюблен в вас до дурачества», – и бросает на нее «гнилой взгляд». Щеголиха потупляется, будто ей стыдно, петиметр продолжает говорить ей похвалы.

После этого разговора щеголиха и петиметр бывают несколько дней безумно друг в друга влюблены. Они располагают дни свои так, чтобы всегда быть вместе: в «серинькой» ездим в английскую комедию, в «пестринькой» бываем во французской, в «колетца» – в маскараде, в «медный таз» – в концерте, в «сайку» – смотрим русский спектакль, в «умойся» – дома, а в «красное» – ездим прогуливаться за город. Таким образом петиметр держит ее «болванчиком» до того времени, как встретится другая».

Какое жизненное описание! Вполне можно примерить к современности. И какое меткое определение к даме, используемой в качестве временной утехи – «болванчик»!

Мы же возвращаемся к нашей современной фантазийной истории.

Незнакомка повернула на бульвар и двинулась уверенно и легко в горку, так же, как и в начале своего пути, как будто перемещаясь в пространстве, как в невесомости, вопреки всем законам физики.

А шла она вверх к концу бульвара на встречу с тем человеком, благодаря которому чувствовала себя любимой и обожаемой. Здесь, на пересечении Рождественского бульвара со Сретенкой, был отель с почасовой оплатой, а у нее свидание. То самое свидание, когда ничего не загадываешь, не строишь долгосрочные планы, не пытаешься взять своего возлюбленного в плен на всю оставшуюся жизнь, а наслаждаешься взаимным чувством здесь и сейчас.

Нет, не пытайтесь провести ассоциации с приведенным выше историческим описанием щеголя. Наш мужской персонаж не подходит к категории современного «петиметра». Это не повеса, а нормальный человек, к более подробному описанию которого мы еще вернемся позже. Он, разумеется, помогал нашей героине материально, но это было далеко не самым главным условием взаимного притяжения – это было то, что они как бы не замечали и что находилось на заднем плане как неотъемлемая часть непростой и бурной жизни, которая их окружала.

Здесь было удобное место для обоих, хотя особенности отеля использовались и посетителями другого рода, из-за чего соседние номера иногда, судя по звукам, напоминали дешевый бордель. Но им вдвоем было все равно, окружающий мир исчезал в момент встречи, вернее, он оставался и даже расширялся в бесконечность, но только для двоих.

С этого момента мы в книге пойдем по Москве вместе с этими двумя героями и их фантазийной историей жизни, связанной с Москвой. Оба образа собирательные, в каждом из них смешаны черты сразу нескольких реальных людей, встречавшихся автору – вашему покорному слуге – в жизни. Поэтому сначала наши герои оставались безымянными, как бы подчеркивая этим свой собирательный вымышленный характер. Но все же лучше дать им имена, так дальше

будет легче переходить от истории и архитектуры к нашим вымышленным героям и обратно. Такие имена, которые подчеркивают наиболее яркие черты каждого из наших героев. Долго думал, и оказалось, что им подходят больше всего одинаковые имена – Евгений и Евгения. Евгений от слова «гений» или от слова «гены» – хорошие гены, доставшиеся в наследство от родителей и дальних предков. Он человек талантливый и «породистый» в хорошем смысле этого слова. Родители заложили в него и хорошую физическую силу, и удачу, и интеллект в сочетании с любовью к инженерному делу и изобретательству. Евгения – Женя, от слова женственная, жена, женщина – умница, красавица, удивительно нежная, чувственная и одновременно сильная, а если надо, то решительная и твердая.

К слову сказать, гостиница у Сретенских ворот, где они встречались, была построена очень давно, согласно указу Павла I, по проекту архитектора В. П. Стасова. Постройка сохранилась до наших дней, но облик ее уже не имеет ничего общего с прежним зданием, которое многократно перестраивалось. В частности, в 1892 году оно было радикально реконструировано под руководством архитектора П. А. Ушакова.

В прошлом на стыках бульваров в местах прохождения дорог из Москвы в другие города (Тверь, Дмитров, Ярославль, Владимир) через Бульварное кольцо, а ранее через ворота стен Белого города, у площадей, содержащих в своих названиях одно общее слово «ворота» (Петровские ворота, Сретенские ворота, Мясницкие, Покровские, Никитские, Арбатские, Пречистенские) были построены такие же гостиницы для постояльцев, прибывающих в столицу из других мест обширной Российской империи. Часть из них со временем оказалась утерянной, а часть сохранилась и даже по-прежнему используется в том же качестве, как в нашем случае.

Оставим пока наших героев для объяснения читателям причин появления в книге приема под названием «художественная фантазия». Почему именно в этом месте появилась такая красивая, эффектная героиня, легко перевоплощающаяся в разные противоречивые образы?

Именно такое начало повествования об этом бульваре, на мой взгляд, как нельзя лучше подходит к описанию его исторических особенностей, наложивших до сих пор смутно ощущаемый особый колорит на Рождественку, «Трубу» и окрестности.

А как еще описать в настоящем это необычайно контрастное в прошлом место, где переплетались, казалось бы, несовместимые вещи?

Здесь бок о бок существовали и обычные москвички, и дамы высшего света, блестяще образованные и воспитанные, и монашки, и элитные куртизанки, и дешевые проститутки. Здесь бушевала страсть и порок, а рядом существовали смирение и самоотречение, здесь соседствовали романтика, чистота и откровенный разврат.

На всякий случай, последнее к нашей Жене – Евгении не относится. Дальше вы и сами это поймете. Но контрастность, как и во всяком человеке, в ней есть. Она яркая женщина, настолько яркая, чтобы соответствовать удивительной контрастности этого места Москвы в прошлом.

Чтобы не быть голословным, предлагаю обратиться к описанию Рождественского бульвара второй половины XIX века, сделанному известным писателем Н. Д. Телешовым: *«Как один из московских контрастов, тут же, на горке, за каменной оградой, расположился большой женский монастырь с окнами из келий на бульвар, кишевший по вечерам веселыми девами разных категорий – и в нарядных крикливых шляпках с перьями, и в скромных платочках.*

А рядом с монастырем, стена в стену, стоял дом с гостиницей для тех же встреч и свиданий, что и в «Эрмитаже». Благодаря ближайшему соседству гостиницу эту в шутку называли «Святые номера».

...К вечеру площадь (имеется в виду Трубная площадь) начинала пустеть... а по бульвару начинали разгуливать нарядные «барышни» в шляпках с перьями и вызывающе взгляды на встречающих мужчин... «Святые номера» постепенно наполнялись своей публикой, а в соседнем девичьем монастыре начинали гудеть колокола, призывая благочестивых ко всеобщей молитве.

Чтобы добавить красок и сгустить их, обратимся к описанию этих мест, включая соседствующую Грачевку из повести «Яма» Александра Куприна:

«Во всех домах входные двери открыты настежь, и сквозь них видны с улицы: крутая лестница, и узкий коридор вверх, и белое сверканье многогранного рефлектора лампы, и зеленые стены сеней, расписанные швейцарскими пейзажами.

До самого утра сотни и тысячи мужчин поднимаются и спускаются по этим лестницам. Здесь бывают все: полуразрушенные, слюнявые старцы, ищущие искусственных возбуждений, и мальчики – кадеты и гимназисты – почти дети; бородатые отцы семейств, почтенные столпы общества в золотых очках, и молодожены, и влюбленные женихи, и почтенные профессора с громкими именами, и воры, и убийцы, и либеральные адвокаты, и строгие блюстители нравственности – педагоги, и передовые писатели – авторы горячих, страстных статей о женском равноправии, и сыщики, и шпионы, и беглые каторжники, и офицеры, и студенты, и социал-демократы, и анархисты, и наемные патриоты; застенчивые и наглые, больные и здоровые, познающие впервые женщину, и старые развратники, истрепанные всеми видами порока; ясноглазые красавицы и уроды, злобно исковерканные природой, глухонемые, слепые, безносые, с дряблыми, отвислыми телами, с зловонным дыханием, плешивые, трясущиеся, покрытые паразитами – брюхатые, геморроидальные обезьяны.

Приходят свободно и просто, как в ресторан или на вокзал, сидят, курят, пьют, судорожно притворяются веселыми, танцуют, выделявая гнусные телодвижения, имитирующие акт половой любви. Иногда внимательно и долго, иногда с грубой поспешностью выбирают любую женщину и знают наперед, что никогда не встретят отказа. Нетерпеливо платят

вперед деньги и на публичной кровати, еще не остывшей от тела предшественника, совершают бесцельно самое великое и прекрасное из мировых таинств – таинство зарождения новой жизни.

И женщины с равнодушной готовностью, с однообразными словами, с заученными профессиональными движениями удовлетворяют, как машины, их желаниям, чтобы тотчас же после них, в ту же ночь, с теми же словами, улыбками и жестами принять третьего, четвертого, десятого мужчину, нередко уже ждущего своей очереди в общем зале».

То место, что называлось в прошлом Грачевка, это идущая параллельно Цветному бульвару современная Трубная улица и пересекающие ее перекрестки. Сейчас уже мало что напоминает о таком злом характере этого места, разве что яркий окрас нескольких зданий, сохранившихся на этой улице с прошлых времен.

Мы же, посмотрев на современные фотографии бывшей Грачевки, свернем в Печатников переулок, названный по располагавшейся здесь в прошлом Печатной слободе (об этой слободе еще будет рассказано ниже), к одному маленькому, но очень симпатичному особняку.

Небольшое изящное здание под номером 7 по переулку, идущему параллельно внешней стороне Рождественского бульвара, называют «Дом с кариатидами». Изначально постройка была возведена для жены купца Золотарева. В 1896 году дом купил разбогатевший благодаря собственному труду в качестве искусного лепщика крестьянин Петр Сысоев из деревни Сафроново Подольского уезда. С помощью архитектора Зубова он перестроил особняк. Внутреннее убранство дома было украшено лепными плафонами на потолке, карнизами, кафельной печью. Внешняя сторона дома была украшена скульптурами лепки самого Сысоева. Обращают на себя внимание две кариатиды и два ангелочка над ними. Помимо самих кариатид, на фасаде дома был сделан и сохранился до сих пор роскошный картуш с вензелем «ПС».

Петр славился своим мастерством, например его привлекали к лепным работам в интерьерах знаменитой Филипповской булочной и гостиницы «Метрополь». В результате он хорошо заработал и смог купить себе этот маленький изящный двухэтажный особнячок, во дворе которого им была устроена собственная лепная мастерская.

«Дом с кариатидами» долгое время пустовал и был сильно потрепан в постсоветский период, но интерьеры здания оставались почти что в первозданном виде. В 2000-х годах здание незаконно перешло в собственность частного инвестора, который решил превратить особ-

няк в офис. Вместо реконструкции в здании началась варварская перепланировка. Наемные рабочие разрушили часть внутренних стен и внутреннего убранства, в одном из залов даже обвалился пол, сломали перекрытия и разбили окна. Остановить очередное варварство удалось активистам «Архнадзора», которые вызвали полицию и представителей «Москомнаследия». Вместе им удалось прекратить разрушение особняка, а также максимально его законсервировать.

К счастью, в последующем «Дом с кариатидами» стал первым зданием, переданным в аренду и отреставрированным по городской программе «1 рубль за 1 метр» сроком на 49 лет. Инвестором стала Жанна Шорина. В рамках программы инвестор должен самостоятельно отреставрировать арендуемое здание, после чего цена аренды для него становится символической – 1 рубль за 1 метр.

Возвращаясь к истории этих мест, раскроем простую причину сосредоточения района «красных фонарей» именно в этой части Москвы. В 1844 году в здании Сретенской полицейской части открылся второй в России, после Санкт-Петербурга, врачебно-полицейский комитет. Таким образом, занятие проституцией приобрело статус официально допустимого, каждая проститутка раз в две недели должна была пройти в этом комитете медицинское освидетельствование. Штат комитета был небольшим, и поэтому разрешения на открытие домов терпимости выдавали в «шаговой доступности» от места расположения Сретенской полицейской части.

Чтобы еще раз подчеркнуть контрастность этих мест и наполнявшего их женского общества, обратимся к воспоминаниям Екатерины Константиновны Брешко-Брешковской, угодившей как-то за революционную деятельность в камеру этой же полицейской части: «...Там я получила большую светлую камеру с двумя окнами, выходившими на обычно пустынный плац. Он заполнялся дважды в неделю, когда у здания части в длинную очередь выстраивались про-

ститутки, явившиеся на медицинское обследование. Среди них попадались и очень элегантные женщины, и не столь нарядные, а замыкали процессию толпы женщин в лохмотьях и даже просто полуголых. В конце очереди стоял городской с шашкой. К дверям один за другим подкатывали экипажи, из них выходили молодые, изысканно одетые женщины и шли в просторный кабинет врача. Я впервые наблюдала это жуткое зрелище и поначалу не понимала, что оно значит, но жандармы мне объяснили. Экипажи меня не слишком печалили, но колонны простых крестьянок вызывали у меня желание кричать и рыдать. Увидев их впервые, я не могла успокоиться и целый день ходила от стены к стене. Я и сейчас как наяву вижу этих полуголых жалких женщин и полицейского, подгоняющего их шашкой».

И буквально через предложение от этого описания Брешко-Брешковская контрастом дает следующее:

«В Суцевской полицейской части я видела и другое любопытное зрелище. Одновременно со мной там содержалась под арестом мать Митрофания. Она была настоятельницей одного монастыря, находившегося под высоким покровительством.

Эта хитрая и алчная женщина основала банк, собрала сотни тысяч рублей и зашла в своих спекуляциях так далеко, что правительство было вынуждено начать следствие.

Я увидела мать Митрофанию в маленьком садике на дворе участка, в который нас вывели на прогулку, – чрезвычайно дородную монахиню, сидевшую в плетеной беседке. Ее окружали молодые послушницы, которые привезли ей огромную рыбину в закрытом судке. Они низко кланялись и просили ее благословения».

Чтобы завершить контрастные истории не отрицательным, а духоподъемным примером, расскажем о единственном памятнике, расположенном на бульваре.

Да, на Рождественском, в отличие от большинства других бульваров московского Бульварного Кольца, практически нет памятников. Только поклонный крест преподобной Евфросинии (Великой княгине Московской Евдокии Дмитриевне) был установлен в 2012 году.

Кто же это и почему о ней следует рассказать?

Святая Евдокия родилась в 1353 году и была дочерью Суздальского князя Дмитрия Константиновича и его супруги Анны. Имя «Евдокия» переводится с греческого как «благоволение».

18 января 1366 года совершилось бракосочетание Евдокии Дмитриевны с великим князем Московским Дмитрием Ивановичем (Дмитрий Донской). Свадьбу торжественно отпраздновали в Коломне, находившейся на границе Суздальского и Московского княжеств. Этот брак имел большое значение для Московского княжества, скрепляя его союз с княжеством Суздальским, что *«преисполнило радостию сердца русских»*.

Княжна была супругой кроткой, любящей и набожной. Оба *«жили в браке чисто, не предавались стремлениям чувственности и внимательны были к своему спасению»*. За 22 года супружества в семье великого князя родилось 12 детей.

Нашествие татарского хана Тохтамыша в 1382 году стало большим и жестоким испытанием для Русской земли. Дмитрий Иванович уехал собирать войско сначала в Переславль, а затем в Кострому, оставив великую княгиню в Москве.

Из-за опасности взятия города великая княгиня с детьми с трудом сумела выйти за его стены, после чего направилась вслед за князем, едва не попав в плен по пути.

Через три дня осады войска Тохтамыша взяли Москву и сожгли город, после чего обратили в пепелище большую часть русских земель.

В августе 1380 года Евдокия, непрестанно молясь, провожала любимого мужа на Куликовскую битву. Из окна своего терема она смотрела на дорогу, ожидая его с победой, и дождалась. Судьба отвела им еще девять лет счастливой совместной жизни.

19 мая 1389 года великий князь Дмитрий Иванович скончался на сороковом году жизни. Умирая, он завещал детям беспрекословно слушаться мать и чтить духовных наставников, а престол передал старшему сыну Василию, завещав, чтобы соправительницей ему была мать.

Свято исполняя волю почившего, Евдокия не удалилась в монастырь, как было в обычае вдов-княгинь, а возглавила семью. Предпоследний ее сын Иван скоро умер, но остались, кроме великого князя Василия, сыновья Юрий, Андрей, Петр, младенец Константин и дочери.

Евдокия жила и ранее подвижнически, а после кончины мужа стала вести еще более строгую жизнь, нося под роскошной великокняжеской одеждой власяницу и тяжелые вериги. Никто не знал о ее подвигах, даже близкие. Обладая незаурядным умом и способностями и вместе с тем проводя внимательную духовную жизнь и имея чуткое сердце, великая княгиня мудро и справедливо управляла княжеством.

Еще при жизни Дмитрия Донского она оказывала большую помощь княгине Марии Ивановне Серпуховской в устройении обители в честь Рождества Пресвятой Богородицы (современный Богородице-Рождественский монастырь на Рождественке и Рождественском бульваре). То же самое она делала и после кончины мужа, помогала возводить храмы и строить монастыри.

Как водится, нашлись люди, которые стали клеветать на великую княгиню. По Москве стали ходить нелепые слухи, затрагивающие ее честь. Распространение этих слухов при великокняжеском дворе имело целью ослабить влияние великой княгини на сыновей, особенно на великого князя Василия Дмитриевича, и подорвать ее авторитет. Сыновья любили мать и не верили клевете, но не могли не смущаться. Один из них, Юрий, все же попросил мать разрешить их недоумение и смущение. *«Тогда княгиня собрала всех сыновей своих и сняла часть великокняжеских одежд – дети увидели, что подвижница так исхудала от поста и подвигов, что тело ее иссохло и почернело и „плоть прилипла к костям“». Юрий с другими братьями просили прощения у матери и хотели отомстить за клевету. Но мать запретила им и думать о мести. Она сказала, что с радостью претерпела бы унижение и людское злословие ради Христа, но, увидев смущение детей, решила открыть им свою тайну»*.

Не могу не вклиниться в историческое повествование в этом месте для того, чтобы отметить, насколько сильно напрашиваются здесь параллели с более поздним ходом истории и современными российскими событиями. В прошлом не было социальных сетей, но техноло-

гия распространения слухов использовалась в политических целях не хуже, чем в наши дни. И тогда, как и сейчас, многие люди были падки на слухи, легко в них верили и распространяли дальше, зачастую добавляя к ним свои фантазийно-домысленные детали и подробности.

В 1407 году, после видения Архангела Михаила, предвозвестившего ей скорую кончину, княгиня Евдокия решила принять монашество. Постриг был совершен 17 мая 1407 года в деревянной церкви Вознесения Господня Вознесенского монастыря, основанного ею же в московском Кремле. Великая княгиня получила в постриге имя Евфросинии, что в переводе означает «радость». 7 июля 1407 года она скончалась на 54-м году жизни, оплаканная семьей, боярами, всеми русскими людьми.

Думая об этом примере Великой княгини, невольно приходишь к мысли о том, что в истории русских и российских правителей было много примеров великого подвижничества и россияне исторически привыкли к повышенным требованиям к качествам своих высших руководителей. От них автоматически ждут самоотречения, подвигов и великих свершений, не прощая даже малейших человеческих слабостей. Из каждого нового руководителя – коммунистического, капиталистического, княжеского, царского или имперского – быстро делают идола. А потом после его (ее) смерти могут также быстро растоптать и опорочить имя бывшего идола, свергнув его с пьедестала поклонения и тут же воздвигнув на тот же пьедестал новый объект для почитания (ничем не хуже, но и ничем не лучше предыдущего).

А может быть, нам всем, включая высоких руководителей, надо просто быть немного человечней, быть самими собой и верить не в чудесных волшебных правителей, которые всем нам сделают хорошо и сладко, а во вполне реальные практические и осязаемые вещи – в добро, порядочность, ум, силу, энергию и профессионализм? Может быть, пора перестать надеяться на кого-то, на избавителя и заступника, а просто шаг за шагом, кирпичик за кирпичиком строить свою общественную систему, поднимающую наверх лучших и создающих здоровую конкуренцию за управление страной? Может быть, хватит революций, разоблачений, низвержений и вознесений? Может, надо посмотреть, в первую очередь, на самих себя. Перестать без конца жаловаться на любую власть и начать что-то делать самим для своего счастья?

Но вернемся к описанию бульвара, и, раз уж мы упомянули о поклонном кресте как о единственном памятнике на Рождественском бульваре, было бы справедливым вспомнить, что в свое время, а именно в 1918 году, здесь был установлен еще один памятник – поэту Тарасу Шевченко – работы скульптора С. М. Волнухина.

Сделан он был наспех из гипса и простоял очень недолго. В те годы в Республике Советов, испытывавшей огромные трудности и лишения, не было условий для выполнения скульптурных произведений из долговечного материала. Через два года было принято решение замкнуть памятник, который временно перевезли в мастерскую скульптора, но тот вскоре умер. И дальнейшая судьба монумента неизвестна.

Появление гипсового памятника связано с планом монументальной пропаганды, начало осуществления которого было положено декретом Совета Народных Комиссаров «О памятниках республики» от 12 апреля 1918 года.

В соответствии с планом в Москве было предписано воздвигнуть следующие ПАМЯТНИКИ:

1. К. Марксу и Ф. Энгельсу. Пл. Революции. 1918.
2. Павшим за мир и братство народов. Красная пл. 1918. (Мемориальная доска).
3. Обелиск Свободы (Обелиск Конституции РСФСР). Советская пл. 1918.
4. Революционным мыслителям. Александровский сад. 1918.
5. Мысль. Цветной бульвар. 1918.
6. К. Марксу. Садовая-Триумфальная ул. 1918—1919.
7. К. Марксу. (Ульяновская ул.). 1918—1919.
8. А. Н. Радищеву. Триумфальная (Маяковского) пл. 1918.
9. Робеспьеру. Александровский сад. 1918.
10. А. В. Кольцову. Театральная (Свердлова) пл. 1918.
11. И. С. Никитину. Театральная (Свердлова) пл. 1918.
12. Т. Г. Шевченко. Рождественский бульвар. 1918.

Надо сказать, что в Москве сейчас есть красивый памятник Тарасу Шевченко у высотного здания бывшей гостиницы «Украина», есть и набережная его имени неподалеку.

Как ни странно, в эпоху Украинской революции в те далекие годы украинская власть так и не смогла установить в Киеве памятник Тарасу Шевченко. Но уже в 1919 году, вскоре после повторного взятия Киева, это сделали большевики. Киевский памятник Шевченко образца 1919 года был изготовлен из фанеры в форме бюста (скульптор Б. М. Кратко). Установлен он был на Михайловской площади вместо фигуры княгини Ольги, которую перед этим сбросили и уничтожили (все повторяется, в наше время мы с вами были свидетелями практически того же самого в Украине, но уже с памятниками В. И. Ленину). Простоял этот фанерный

памятник Тарасу Шевченко совсем недолго и уже вскоре был уничтожен или белогвардейцами Деникина, или польскими войсками.

Но вернемся в Москву к нашей героине – к Жене или Женьке, как ее зовут близкие люди (будем так считать для полноты художественной палитры). Выйдя на бульвар с улицы Рождественка, она повернула направо и пошла вверх к отелю в конце бульвара, как мы уже сказали выше. По пути она достигла сначала Малого Кисельного переулка, примыкающего к бульвару с внутренней стороны, на углу которого расположено красивое здание под номером 12 с интересной историей.

Особняк этот возвели в конце XVIII столетия, а первой его хозяйкой была княгиня Анастасия Михайловна Голицына.

После княгини Голицыной владельцем участка со строениями становится Александр Иванович Фонвизин – адъютант командующего Главной Артиллерии и младший брат известного писателя Дениса Ивановича Фонвизина.

Фонвизины (до XVIII века писались фон Визены, затем фон Физины, написание в одно слово установлено в середине XIX века) – русский дворянский род, происходящий от барона Берндта фон Виссин, рыцаря ордена меченосцев, взятого в русский плен в ходе Ливонской войны (1558—1583 годов). В дальнейшем фон Висин получил русское имя Петр Владимирович. Оставаясь в протестантской вере, он перешел на воинскую службу в Москву, получив от Ивана IV поместья. Сыновья барона носили русские имена Денис, Борис и Юрий.

Отвлекусь на минуту от рассказа о Фонвизинах. Вам сказанное выше ничего не напоминает? Мне это напомнило Эраста Петровича Фандорина. Персонаж Фандорина воплотил в себе идеал аристократа XIX века: благородство, образованность, преданность, неподкупность, верность принципам. Кроме того, его появление в России и происхождение самой фамилии очень похожи на историю фамилии Фонвизинных.

И хотя рецензентами книг Бориса Акунина о Фандорине высказывалось мнение, что этот герой и его фамилия являются аллюзией на журналиста Жерома Фандора, героя серии детективных романов французских писателей Марселя Аллена и Пьера Сувестра о Фантомасе, мне интересней представлять реальные исторические параллели.

Фонвизины лишь в четвертом поколении приняли православие. Представители рода были жалованы поместьями и грамотами. К этому роду принадлежат: Иван Андреевич, первый начавший писать свою фамилию «фон-Визин» (женат на Екатерине Васильевне Дмитри-

евой-Мамоновой, дочери графа и адмирала В. А. Дмитриева-Мамонова), и его сыновья Денис Иванович (известный русский писатель) и Павел Иванович (ученый).

Денис Иванович Фонвизин написал не только «Недоросль», комедию, знакомую нам всем по школе. Собрание его сочинений составляло пять томов, уже практически готовых к печати, но так и не изданных при его жизни. Затем, к сожалению, драгоценная рукопись была утрачена. Его произведения распространялись по рукам только в рукописных списках.

В свое время князь Потемкин-Таврический, побывав на премьере «Недоросля» и выходя после этого из театра, подозвал к себе Фонвизина и полушутя сказал ему легендарную фразу: «Умри, Денис, или больше ничего не пиши: лучше этой пьесы ты уже ничего не создашь».

Два сына третьего брата Дениса Ивановича – Александра – Иван и Михаил – стали декабристами. В доме родителя они организовали московский центр этого движения, где в 1821 году провели съезд «Союза благоденствия», послужившего началом создания Северного и Южного сообществ этой организации.

В 1869 году усадьбу Фонвизиных приобрела баронесса фон Мекк – вдова «железнодорожного магната» Карла фон Мекка, а в 1881 году она продала дом частоторговцу Алексею Семеновичу Губкину.

Через два года Алексея Семеновича не стало, а с его смертью связано трагическое происшествие, о котором писали и Л. Н. Толстой, и В. А. Гиляровский.

По Москве разнесся слух, что на помин души Губкина будут раздавать щедрую милостыню. Тысячи нищих устремились на Рождественский бульвар. Все закончилось страшной давкой, десятками погибших и пострадавших.

Видимо, карма этого места не простая, так как похожая трагедия разыгралась на Рождественском бульваре спустя почти век, уже в советские времена.

6 марта 1953 года на бульваре и прилегающей Трубной площади произошла катастрофическая давка, вызванная притоком людей, желающих проститься со Сталиным.

По словам очевидцев, в те дни в Москву ехали даже из отдаленных регионов. Билеты в столицу купить было невозможно. Накануне похорон въезд в Москву закрыли, отменили движение поездов. Милиция блокировала вокзалы. Но, несмотря на все эти меры, столица уже была переполнена людьми, которые впервые оказались в огромном незнакомом городе. Милиция и поднятая по тревоге армия делали все возможное, чтобы взять ситуацию под контроль и не допустить катастрофического развития событий.

Это почти удалось сделать, за исключением одного места, а именно крутого спуска Рождественского бульвара, который стал смертельной ловушкой для приезжих, стремившихся проститься с Генералиссимусом. Люди, которые шли со стороны Сретенки, сверху вниз, попадали в небольшие ямки у окон полуподвальных помещений. Давление толпы, не понимающей, что происходит, не давало шансов упавшим подняться на ноги. На них падали другие люди, и в результате случилась смертельная давка.

Вот как вспоминала об этом местная жительница Лидия Прокофьевна Иванина:

«Все эти три дня мы с мамой и сестрой были озабочены лишь одним: чтобы папа мог без приключений добраться домой с работы. Наш дом был рядом с эпицентром событий. Мы видели, как во двор монастыря вносят трупы и распределяют по подъездам, поэтому голова была забита только тем, как папа, возвращаясь через Цветной бульвар на Рождественку, избежит быть затянутым в водоворот толпы. Около монастырской стены был такой пригорок, мы становились на него, выглядывали на улицу и оттуда смотрели на толпу спускающихся от Чистых прудов к Трубной.

На наших глазах несколько человек из толпы разбились об угол дома, стоящего на углу Рождественки и Трубной....

У нас навсегда запечатлелась в памяти «девушка с косой». Погибшую девушку несли вверх по Рождественке к монастырю, а толстая белокурая коса свисала и тащила по земле.

К счастью, отец тогда благополучно смог вернуться домой. Показывал дежурившим на грузовиках военным документы с пропиской, и его пропускали».

Чтобы отвлечься от этих мрачных воспоминаний, предлагаю вернуться на современный бульвар и обратить внимание на его противоположную сторону (дом №13, стр. 1, 2), где расположена бывшая усадьба М. А. Лагофита, построенная в первой половине XIX века в виде двух небольших изящных зданий, формирующих симметрию единого архитектурного комплекса.

Этот архитектурный проект был разработан Управлением московского губернского инженера и является наглядным примером типовой массовой застройки Москвы после пожара 1812 года. Тогда существовал так называемый альбом «опробованных фасадов», из которого заказчик выбирал наиболее подходящий для себя вариант, что было дешевле, чем нанимать архитектора, и позволяло быстрее застраивать разоренный город.

Изначально первые этажи были возведены из камня, а вторые из дерева. Но в 1982 году в ходе удачной реконструкции комплекса обе постройки полностью разобрали и заменили точными копиями, выстроенными из кирпича.

Теперь вернемся на нашу внутреннюю сторону бульвара и вместе с нашей героиней двинемся дальше мимо дома №14.

Этот роскошный двухэтажный особняк с фасадами оранжево-апельсинового цвета был, вероятнее всего, построен еще в начале XIX века, а современный вид приобрел уже в 1870 году, когда была проведена его реконструкция архитектором Андреем Николаевичем Стратилатовым.

Первой известной хозяйкой особняка была графиня Ростопчина, но до сих пор идут споры о том, какая именно. Дело в том, что представительниц этого знатного рода с инициалами «Е. П.» было две – Екатерина Петровна и Евдокия Петровна, приходившиеся друг другу свекровью и невесткой, соответственно. Скорее всего, все же старшая – Екатерина – была вла-

делицей, так как Евдокия была еще очень молода, когда особняк продали другому владельцу, но об этом ниже.

Надо отметить, что Евдокия Петровна Ростопчина была необыкновенной женщиной. Петр Вяземский называл ее «московской Сафо». Жуковский ценил в ней «истинный талант», а Лермонтов писал: *«Я верю, под одной звездою мы были с вами рождены»*.

Когда девочке было 6 лет, в 1817 году от чахотки умерла ее мать. Отец был в постоянных разъездах, и девочка воспитывалась в семье родственников. Звали ее Додо, а по фамилии она была Сушкова.

Додо тайно писала стихи и, когда подросла, неожиданно для всех вышла замуж за графа Андрея Ростопчина. Никаких чувств между молодыми замечено не было, и вся Москва знала, что граф собирался жениться на другой, однако его мать (та самая свекровь) воспротивилась намерениям Андрея.

Три года Ростопчину после замужества не видели ни в Москве, ни в Петербурге: она не появлялась в свете. Но она продолжала писать, и в редакцию доходили ее стихи. Без суеты, медленно, но верно Ростопчина завоевывала известность и среди обыкновенных любителей изящной словесности, и среди известных ценителей. Ее стихотворения были положены на музыку Глинкой, Даргомыжским, Рубинштейном, Чайковским.

В 1856 году вышел в свет первый том собраний ее сочинений, оцененный такими словами критика: *«Имя графини Ростопчиной перейдет к потомству как одно из светлых явлений нашего времени... В настоящую минуту она принадлежит к числу даровитейших наших поэтов»*.

Семейная жизнь не принесла Ростопчиной счастья. А такая пылкая душа не могла жить без любви. У нее случился мучительный роман с Андреем Карамзиным, младшим сыном известного историка. Ростопчина была безоглядной в своем чувстве, хотя и понимала, что у них вместе нет будущего. От этой связи она родила двух дочерей, которые воспитывались в Женеве и носили фамилию Андреевы. Карамзин охладел к Евдокии, а следом пришло и известие о его предстоящей женитьбе на красавице Авроре Демидовой. Но Ростопчина оставалась верной себе и своему таланту, продолжая писать прекрасные стихи. Умерла она от рака 3 декабря 1858 года.

В этой книге было бы уместно привести отрывок из известного стихотворения Ростопчиной о Москве, который удивительным образом сохраняет свою актуальность в течение длительного времени вплоть до наших дней:

*О! как пуста, о! как мертва
Первопрестольная Москва!
Ее напрасно украшают,
Ее напрасно наряжают.
Огромных зданий стройный вид,
Фонтаны, выдумка востока,
Везде чугуны, везде гранит,*

*Сады, мосты, объем широкий
Несметных улиц – все блестит
Изящной роскошью, все ново,
Все жизни ждет, для ней готово,
Но жизни нет! Она мертва,
Первопрестольная Москва!
С домов боярских герб старинный
Пропал, исчез, и с каждым днем
Расчетливым покупщиком
В слепом неведены, невинно
Стираются следы веков,
Следы событий позабытых,
Следы вельможей знаменитых,
Обычай, нравы, дух отцов,
Все изменилось! Просвещение
И подражание новизне
Уж водворили пресыщенье
На православной стороне,
Гостеприимство, хлебосольство,
Накрытый стол и настежь дверь
Преданьем стали, и теперь
Витийствует многоглагольство
На скучных сходбищах взамен
Веселья русского. Все глухо,
Все тихо вдоль кремлевских стен,
В церквах, в соборах; и для слуха
В Москве отрада лишь одна
Высокой прелести полна:
Один глагол всегда священный,
Наследие былых времен —
И как сердцам понятен он,
Понятен думе умиленной! —
То веций звук колоколов!
То гул торжественно-чудесный,
Взлетающий до облаков,
Когда все сорок сороков
Взывают к благодати небесной!*

Возвращаясь к истории самого особняка на Рождественском бульваре, надо отметить, что в конце 20-х годов девятнадцатого столетия он перешел в собственность медика по образованию, ставшего впоследствии профессором, читавшим лекции по физике и химии, Карла Ивановича Яниша.

В его прелестную дочь Каролину Яниш влюбился польский поэт Адам Мицкевич и попросил у нее руки. Девушка ответила взаимностью, но родители высказали неудовольствие этому браку и выдали ее за беллетриста Николая Филипповича Павлова.

С этого времени началась новая история дома, получившего известность благодаря проводимым в его стенах «павловским четвергам». Здесь собирались такие известные литераторы и публицисты, как Николай Васильевич Гоголь, Александр Иванович Герцен, Алексей Степа-

нович Хомяков, Николай Платонович Огарев, Тимофей Николаевич Грановский, Петр Яковлевич Чаадаев, Константин Сергеевич Аксаков, Афанасий Афанасьевич Фет и другие.

В этом доме перед отъездом в ссылку на Кавказ в 1840 году состоялось прощание М. Ю. Лермонтова с московскими литераторами. *«Он уехал грустный. Ночь была сырая. Мы простились на крыльце»*, – позже вспоминал Ю. Ф. Самарин.

Женька, проходя мимо особняка Ростопчиной, с интересом бросила на него взгляд, как будто чувствуя, какая буря страстей и творческих талантливых судеб была связана с ним в прошлом, и поплыла своей невесомой походкой дальше.

Взгляд ее уже сфокусировался на следующем не менее красивом особняке под номером 16, основное здание которого строилось в 1787—1793 годах как городская усадьба А. П. Карамышевой.

В 1851 году особняк купил купец Иосиф Ценкер. При нем здание достраивалось. После его смерти в 1870 году владение перешло его вдове Каролине Егоровне Ценкер, одной из двух иностранок-женщин, ставших купчихами первой гильдии. Она возглавила общество «Ценкер и К», которое создал в 1853 году Иосиф Ценкер. В 1869 году фирма «Ценкер и К» поспособствовала созданию Московского учетного банка, имевшего оборот в 100 миллионов рублей в год.

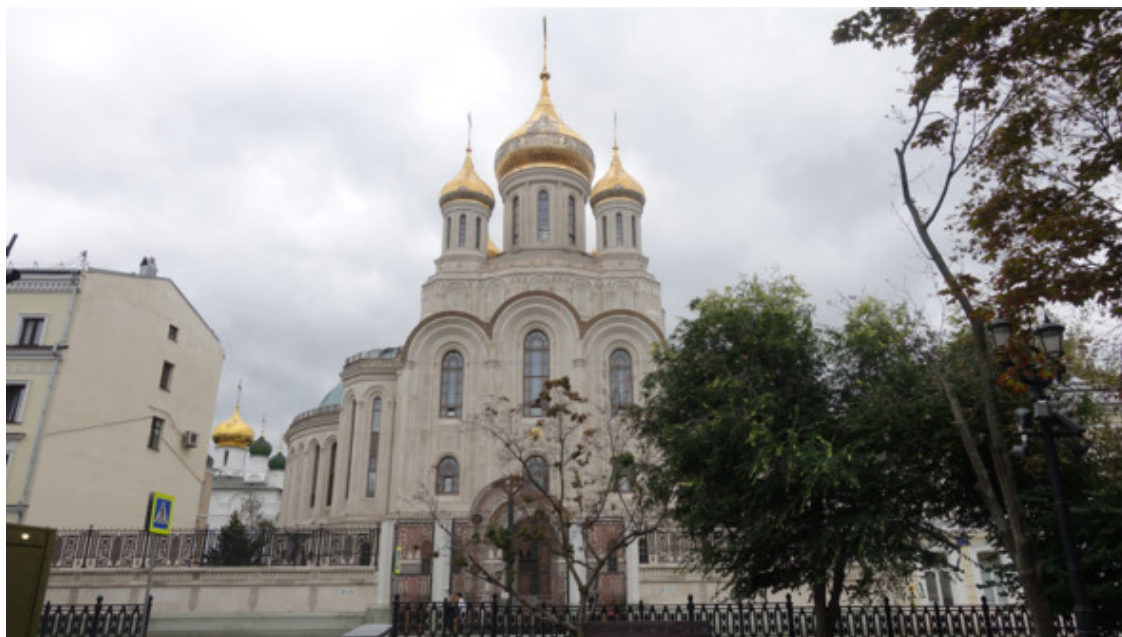
Именно при Каролине в этот особняк провели канализацию и водопровод. Ценкер использовала часть комнат (9 на первом и 5 на втором этажах) для себя и своей семьи, а остальные сдавались в аренду.

После революции дом был жилым. С 1933 года по 1943 год здесь проживал поэт Демьян Бедный.

Сразу за этим домом открылся вид на территорию Сретенского монастыря, к которой здание примыкает, и в первую очередь на Храм Новомучеников и Исповедников Российских, который явно превосходит своим размером и отделкой все остальные постройки этого древнего монастыря. Построен этот храм был уже в наше время, в 2014—2017 годах на месте нескольких

монастырских зданий рубежа XIX—XX веков вопреки охранному законодательству и протестам общественности.

Воспринимается он, честно говоря, как нечто отдельное, не принадлежащее к монастырю, который лучше смотреть со стороны улицы Большая Лубянка, где и расположен проход на монастырскую территорию. Отношение к этому храму со стороны москвичей не однозначное, а вот монастырь и его старые постройки пользуются уважением и любовью. Но об этом позже, когда мы будем описывать кавалера нашей прекрасной дамы по имени, как вы помните, Евгений.

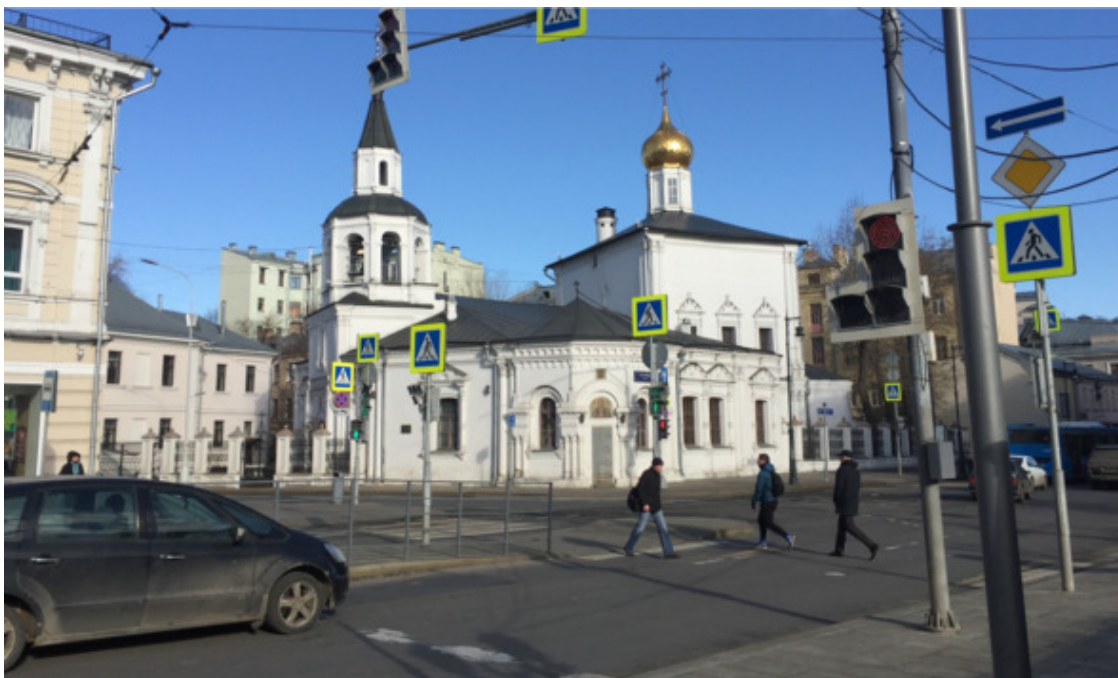

А Женька тем временем отвлеклась от картины величественного храма и обратила внимание на проехавшую мимо девушку на красивом мотоцикле. Героиня наша, как вы сами уже поняли, имела отменный вкус и была стильным человеком во всем. Поэтому она по достоинству оценила увиденное, представив себе на минуту, как сама будет выглядеть на мотоцикле, во что при этом будет одета, и пообещала себе, что когда-нибудь у нее появится такая современная и красивая техника и возможность показать себя во всей красе, разъезжая на мотоцикле по Москве.

Вне всякого сомнения, если такое обещание реализуется, это будет эффектное зрелище. Наша красавица умеет многое в жизни: и лихо водить машину, и танцевать, в том числе на шесте, и музицировать, и играть мужчинами, и быть преданной женой, и быть любящей подругой, и работать эффективно и профессионально, включая руководство людьми, если потребуется.

Она дошла до здания отеля, стены которого выходили на обе стороны бульвара, занимая его середину, а также на улицу Сретенка, которую этот дом начинал под №1. Прошла к администратору, взяла ключи от заказанного заранее номера и прошла к нему длинными коридорами. Окна номера смотрели на противоположную сторону бульвара, прямо на храм Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках. Как странно, подумала она, отель с почасовой оплатой, номера которого используются посетителями не только для проживания, но и для временных отношений, окружен со всех сторон церквями и монастырями. Жизнь – сложная штука, в которой все переплелось в такой запутанный клубок.

Она, как всякая женщина, хотела постоянных отношений, закреплённых официальным браком, спокойного семейного счастья, но пока это желание имело статус мечты, о которой другим не обязательно знать. Она должна излучать уверенность в себе и полное удовлетворение своей жизнью для окружающих. Только с Евгением, которого ждала, она могла немного расслабиться, быть самой собой и говорить о том, чего действительно хочет. И это было ценным. Об их отношениях и о нём ещё поговорим, а пока перейдем к рассказу о церкви.

Первый деревянный храм был построен перед Сретенскими воротами Белого города жителями дворцовой Печатной слободы в 1631 году. Местность, именуемая Печатниками, получила свое название от живших здесь печатников, мастеров Государева Печатного Двора ещё с конца XVI века. Государева Печатная слобода было поселением типографов, трудившихся на Печатном дворе на Никольской улице. В 1659 году деревянный храм был перестроен, но вновь в дереве. Эту дату и считают датой основания храма. Каменный храм был построен в 1695 году в стиле московского барокко. Примерно в 1775 году у южного фасада трапезной была сооружена небольшая часовня. В 1795 году храм был обновлен и расписан. В 1812 году храм Успения Пресвятой Богородицы был разграблен французской армией, и его пришлось восстанавливать и перестраивать вплоть до начала следующего века.

Москвоведы утверждают, что именно в этой церкви произошло венчание дряхлого старца с юной девушкой, которое увидел художник Пукирев, что и послужило сюжетом для его знаменитой картины «Неравный брак», ныне находящейся в Третьяковской галерее. Также до революции в церковной ризнице хранилась древняя еврейская серебряная монета – молва утверждала, что это один из тридцати серебряников, полученных Иудой за предательство Христа.

Вступление 2.

Кавалер прекрасной незнакомки, знаток Москвы

Тем временем кавалер нашей прекрасной дамы уже выходил на улицу Большая Лубянка со Сретенского переулка. Свой пеший путь Евгений держал от Милютинского переулка, где работал в одном из модных инвестиционных фондов.

Был он подтянут, энергичен, спортивен, интеллектуален и остроумен, общителен и влюбчив, но не повеса, скорее жизнелюб с высокой эмпатией. Владел различными единоборствами, мог постоять и за себя, и за свою даму в случае необходимости, катался прекрасно на горных лыжах, прыгал с парашютом. В общем, обладал всеми элементами джентльменского набора, необходимыми для покорения сердца такой эффектной красавицы, как наша героиня.

Каждый его день был переполнен различными напряженными переговорами, встречами, стрессовыми ситуациями, необходимостью принимать жесткие и неприятные для контрагентов решения и сообщать им о них, а также необходимостью самому быть готовым ко встречным проблемным действиям и решениям и уметь «держать удар».

Предстоящая встреча была отдушиной, возможностью сбросить с себя весь накопившийся за день груз, нырнув в прекрасные глаза, как в иное измерение, предназначенное только для двоих.

При выходе на Большую Лубянку перед ним открылся вид Сретенского монастыря, ограда и проход в ней на территорию обители располагались как раз на противоположной стороне улицы. Над оградой виднелись купола монастырских храмов.

Сретенский мужской ставропигиальный монастырь – самый маленький из московских монастырей, но одновременно и древнейший важнейший духовный центр Православия в Москве.

История его возникновения окутана воспоминаниями о чуде.

На месте постройки Сретенского монастыря находилось Кучково поле, отведенное для казни преступников и принадлежавшее боярину Степану Ивановичу Кучке. Потом территорию заселили, что привело к строительству здесь деревянной церкви во имя преподобной Марии Египетской в 1385 году (на месте казни Ивана Вельяминова).

Рядом с церковью через десять лет возвели более просторный храм в честь Владимирской иконы Пресвятой Богородицы на месте встречи чудотворного образа. Событие это имело великий смысл для русских людей и для москвичей – по преданию, та икона помогла избежать нападения на Москву войск Тамерлана. Согласно летописям, 26 августа 1395 года крестный ход, возглавляемый митрополитом Киприаном, встретил именно в этом месте чудотворный образ Владимирской иконы Божией Матери, принесенный из Владимира-на-Клязьме. Через день Тамерлан, якобы увидев дурной сон-предзнаменование, повернул на юг, не дойдя до Москвы. Произошло это, по народному мнению, благодаря чудотворной иконе. Иконописец Андрей Рублев сделал для церкви копию Владимирской иконы, оригинал которой с великой честью отправили во Владимир.

В 1397 году великим князем московским Василием I около церкви был создан Сретенский мужской монастырь. Тогда же установили крестный ход с Владимирской иконой, которую ежегодно 26 августа переносили из Успенского собора. В шествии регулярно участвовали великий князь и митрополит, а в последующем – царь и патриарх.

Мимо монастыря пролегла дорога из Кремля в Троице-Сергиеву лавру. Великие князья и цари останавливались здесь и приносили богатые пожертвования. Щедро одарил монастырь Иван Грозный, возвращавшийся после взятия Казани, около монастыря царя встречал восторженный народ.

В Смутное время, когда московским Кремлем завладели интервенты, в обители располагался штаб русских ополченцев, сражавшихся под знаменами Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, получившего тяжелое ранение на Сретенке в марте 1611 года. В монастыре ему оказали первую помощь.

Расцвет Сретенского монастыря совпал со временем царствования Федора Алексеевича, старшего брата Петра I, в XVII веке. По указу государя и на его пожертвования на месте старого деревянного храма возвели пятиглавый каменный Сретенский собор.

В 1699 году на средства боярина Грибоедова, предка автора комедии «Горе от ума», собор расписан костромскими иконописцами. В 1700 году монастырь получил дар от Иерусалимского Патриарха Досифея – часть мощей преподобной Марии Египетской. Драгоценный ковчег со святыней стоял в Сретенском соборе.

В XVIII веке для обители наступили тяжелые времена, она стала приходить в упадок. В 1737 году часть построек была утеряна в Троицком пожаре, а в 1764 году в результате секуляризации церковных земель при императрице Екатерине II монастырь объявили заштатным, его оставили на самообеспечении и запретили проживание в нем более чем семи насельникам.

12 декабря 1812 года от Сретенского монастыря прошел крестный ход по Москве с иконой Владимирской Божьей Матери: так освятили столицу после пребывания в ней врагов – наполеоновских войск. После ухода Наполеона в монастырском лазарете монахи лечили русских солдат, здесь же, в обители, хоронили умерших. Так, в Сретенском монастыре появилось кладбище участников Отечественной войны 1812 года.

В 1926 году монастырь закрыли, устроив там общежитие НКВД и тюрьму. В 1928 году снесли церковь Марии Египетской и Николая Чудотворца, разобрали колокольню, а колокола продали в Англию. Священников и монахов пытали, расстреливали.

Восстанавливать обитель и ее храмы начали в 1991 году, а 7 сентября 1995 года 25-тысячный крестный ход с чудотворной иконой во главе со Святейшим Патриархом Алексием II проследовал из Успенского собора Кремля в Сретенский монастырь в ознаменование 600-летия встречи чудотворного образа Владимирской иконы Божьей Матери на Кучковом поле.

Сретенский монастырь славится своим хором, и сюда стоит прийти не только чтобы почувствовать дыхание истории и силу веры, но и послушать прекрасное хоровое пение.

Тем временем Евгений энергично выхаживал по Большой Лубянке к Сретенке и Рождественскому бульвару, на сходе которых находилась цель его путешествия, где уже ждала Женька.

Он понимал, что его возлюбленная, скорее всего, уже там, и ему было не комфортно, что она ждет его в одиночестве. Ускорив шаг, он почти пробежал мимо дома 24.

А между тем, при наличии времени на этот особняк пряничного вида стоило обратить побольше внимания.

В первом и подвальном этажах дома на Б. Лубянке сохранились своды конца XVIII века. Известно, что с 1738 года владение принадлежало князю М. А. Голицыну, а затем В. Г. Черткову. Уже в начале XIX века здесь располагался женский частный пансион, которым заведовала жена преподавателя немецкого языка и словесности в Московской практической академии коммерческих наук Иоганна-Бернгарда (Ивана Даниловича) Петрозилиуса.

Потом здание переходило из рук в руки. В начале XX века владение перешло к архитектору Владимиру Ивановичу Чагину. Взяв за основу существующее строение, он полностью перестроил фасад своего дома, дав волю своей тяге к элементам готики.

В 1907—1910 годах в доме открылся электротئاتр «Рекорд». Владельцы электротئاتров старались во всем подражать театру: устраивали киносеансы из трех отделений, между которыми были антракты. В первом отделении показывали экранизированные сцены из музыкальных спектаклей и кинохронику, во втором – какую-нибудь драму, в третьем – юмористические сценки. Москвичи называли их «электричками».

С первых лет советской власти на первом этаже размещалась весьма демократичная пивная Моссельпрома. В 1950-х годах ее сменила пельменная, ставшая не менее популярной и еще памятная многим москвичам.

Наш кавалер уже был у светофора на пересечении Большой Лубянки и Бульварного кольца. В нетерпении ожидая переключения на зеленый, он вспомнил их первое платоническое свидание в виде прогулки по Москве, когда он выступил в роли экскурсовода.

Было оно романтичным, гуляли по центру Москвы в районе Покровки, много говорили. Накануне прошел дождь. В какой-то момент, выходя к очередному переулку, они оказались перед большой лужей. Она была мелкая, но не для ее босоножек. Можно было и обойти, но жаль времени. Решение пришло само собой мгновенно, вмиг она оказалась на его руках и была бережно перенесена через препятствие и аккуратно возвращена в вертикальное положение на сухой асфальт.

Сделано все было настолько естественно, красиво и по-рыцарски с его стороны, а она была настолько легка и грациозна, что произошедшее походило на кадры классического романтического кинофильма про любовь, а они внешне как будто и не заметили случившегося. Но если бы существовали приборы, измеряющие силу внутреннего притяжения – биополя между мужчиной и женщиной, то их стрелки наверняка ушли бы в предельную зону шкалы измерений. Собственно, с того момента эти фантастические стрелки, немного колеблясь, там и оставались.

Более того, в доли секунды, в мгновение произошло что-то трудно описываемое и трудно определяемое. Какой-то «космический пазл» сложился, когда он поднял ее на руки, повинаясь внутреннему импульсу. Она была невесома, он не чувствовал ее веса и мог бы так нести ее в бесконечность, а она чувствовала, что эти сильные руки могут подбрасывать ее в небо, где она может парить, как хочет, ничего не боясь, потому что внизу ее ждут эти руки, которые подхватят бережно, мягко и нежно, с какой бы высоты она ни планировала вниз к земле. В «пазле» этом было гигантское число компонентов, и цвета, и запахи, и мысли, и чувства, и интуиция, и энергия, и еще тысячу «и», которые принадлежали разным людям (ему и ей), но каким-то непостижимым образом в один миг все они защелкнулись, точно подходя друг к другу. Что это? Мистика? Наваждение? Волшебство?

После того как он опустил ее на землю, перейдя лужу, они долго шли молча. Каждый почувствовал этот «космический пазл», и каждый его переживал внутри себя, как бы боялся спугнуть это прекрасное чувство космического соединения. Забегая вперед, скажем, что это ощущение потом не раз выручало их союз во времена испытаний. Оно было их охранной грамотой, их свидетельством, их паспортом, чем угодно, охраняющим этот союз от обыденности, от прозы жизни, от усталости друг от друга, от новых временных увлечений.

Тем временем не в собственном воображении, а в реальности Евгений быстро перешел перекресток, прошел ко входу в отель и устремился по коридору к их номеру. Не звонил ей, знал, что она ждет, и был уверен, что она прислушивается к шагам в коридоре и узнает его по походке.

Кровь его уже бурлила, и он попутно немного подурачился, изменив походку, но сюрприза не вышло. По ее смеющимся блестящим глазам стало ясно, что он был все равно распознан еще по шагам в коридоре за дверью, и она даже поняла, что он пытается дурашливо замаскироваться.

При их встречах время приобретало какие-то необычайные качества, оно одновременно и пролетало пулей, и превращалось в бесконечность, замедляясь и превращаясь в метафизическую субстанцию, которую, казалось, даже можно было пощупать. Каждый раз, когда приходилось расставаться, возникало ощущение, что они только минуту назад встретились и за эту минуту успели прожить целую жизнь.

Пролетела и эта очередная минута-жизнь, они вышли из отеля и распрощались у его фасада напротив Сретенского бульвара. Она пошла через переход на Сретенку и далее по этой улице, не оборачиваясь, но ощущая спиной его взгляд, а он долго смотрел ей вслед, потом перешел на Сретенский бульвар и пошел в направлении Чистых прудов.

Последуем за взглядом Евгения вместе с нашей героиней по Сретенке, а потом уже с ним самим по одноименному бульвару.

Глава 2. Сретенка

Надо сказать, что до середины XIX века Сретенкой называлась как современная улица, так и нынешняя Большая Лубянка, то есть улица начиналась раньше и была вдвое длинней. Название свое она получила, как вы уже догадались, по Сретенскому монастырю. До появления парадной, сверкающей огнями и разноцветными витринами Тверской, располагающейся на пути в Петербург, Сретенка считалась главной улицей столицы, ведущей во Владимир и в Троице-Сергиев монастырь.

На Сретенке (в ее современной части между Бульварным и Садовым кольцами) не было ни одной дворянской усадьбы, но было множество мелких магазинчиков и лавок. Улица была купеческой, а купцы старались использовать каждый метр «красной линии» улицы под торговые помещения с витринами, поэтому на главной улице ворот нет, а въезды к домам были устроены в примыкающих к ней переулках. Это объясняет большую плотность сретенских переулков: 9 по четной и 7 по нечетной стороне.

Кроме того, Сретенка – это один из старейших московских городских топонимов. На протяжении веков название улицы Сретенки не менялось – в отличие от многих, даже большинства московских магистралей (в исторических документах топоним этот представлен в различных формах: Усретенская, Устретенка, Встретенка, Большая Встретенская улица – не забываем, что в данном случае под Сретением понимается не религиозный праздник, а древнее слово «сретение», то есть «встреча» той самой Владимирской иконы Божьей Матери, которая предотвратила нашествие войск Тамерлана на Россию и Москву).

Под стать топониму внешний вид Сретенки и прилегающих переулков, особенно по нечетной стороне, сохранился почти в первозданном виде. Здесь еще осталось много старинных закоулков, дворов и домов. Это единственный в столице район, в котором старины пока еще больше, чем новоделов. Благодаря этому каждый пешеход на этой улице может почувствовать, какой была столица в первой половине XIX века.

Современная улица Сретенка идет от площади Сретенские Ворота до площадей Большой и Малой Сухаревской. Пройдем часть этого пути, заглянув в некоторые переулки.

Многие, кто жил на Сретенке, привязались к этому месту с его особым очарованием на всю жизнь, что и передано в стихах песни советской и российской певицы, поэтессы, барда Вероники Долиной. Она здесь родилась и провела детство, проживая с родителями в бабушкиной квартире в Печатниковом переулке. Песня так и называется – «Сретенка»:

*Картинка иль, может, отметинка?
Отметинка на судьбе...
Крестинка, да это же Сретенка
Висит у тебя на губе!*

*Дело не в водоворотах,
А опять во мне одной.
Дело в Сретенских воротах,
Что захлопнулись за мной.*

*Я не то чтобы с нею выросла,
Но она меня родила.
Это палочка детского вируса
Оболочку мою взяла.*

*Дело не в водоворотах,
А опять во мне одной...*

*Уж не знаю я, что есть родина,
Но никто меня не украдет,
Ибо Сретенка – это родинка.
Это до смерти не пройдет.*

*Дело не в водоворотах,
А опять во мне одной.
Дело в Сретенских воротах,*

Что захлопнулись за мной.

Про дома Сретенки много и долго рассказывать не будем, они, как правило, не сохранили в литературе увлекательные и насыщенные истории или легенды, упомянем лишь несколько.

В доме №9 (подворье купца Малюшина) в начале XX века располагались «Большие Московские» меблированные комнаты. Со стороны Колокольникового переулка работала Типография Филатова. В 1920-х годах в доме работал ресторан «Ливорно», интерьеры которого оформил архитектор Н. А. Эйхенвальд, а сейчас здесь расположена большая и уютная кофейня и пекарня под названием «Жан Франсуа Бодреро». В послевоенный советский период этот дом славился книжными магазинами. Та же Вероника Долина вспоминает один из них под названием «Букинист», где она ребенком смогла найти любимую свою книгу «Волшебник Изумрудного города».

Дом №17/28 – Городская купеческая усадьба Кирьяковых, построенная в конце XVIII – начале XIX века. В начале 1860-х годов в доме на втором этаже на углу жил композитор Н. Г. Рубинштейн. Часть квартиры он безвозмездно предоставил классам Русского музыкального общества, где регулярно проходили занятия. Эти классы послужили основой будущей Московской консерватории. В доме также жил скульптор С. М. Волнухин – автор памятника первопечатнику Ивану Федорову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.